

1943 г.

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

И ВЕЧНО ПОИСК

ИЗ РЕПРОДУКТОРА в актерской уборной слышалось веселое пение. На сцене шел последний прогон спектакля «Маленькие комедии большого дома», премьерой которого Театр сатиры провожал уходящий год. До выхода Папанова оставалось минут сорок. Потом он появится перед пустым пока еще залом в роли чудачковатого управдома, обожающего вокальное искусство. Он будет с мастерской легкостью наслаждаться комедийной характерностью этой роли, а вечером сядет в поезд, заберется на верхнюю полку (чтобы попутчики не втянули в долгое чаепитие), постарается поскорее заснуть (напряженный ритм заставляет ценить время отдыха!) и проснется в Ленинграде, где его ждут на съемках...

В фильме молодого режиссера С. Шустера «День приема по личным вопросам» Папанов играет управляющего трестом, крупного руководителя. Роль, полная раздумий о современности, о проблемах и самом стиле работы советского учреждения. Разговор наш с Анатолием Дмитриевичем начался именно с этой работы.

— Автор сценария Петр Погребовский, в прошлом инженер, турбостроитель, он отлично знает среду, о которой пишет, — говорит Папанов. — Я познакомился с необычайно интересными людьми, энтузиастами своего дела, о которых хочется в полный голос говорить с экрана.

Я могу позволить себе отказываться от ролей, которые мне не по душе, — у меня выработалась идиосинкразия к ролям бесконфликтным. Ведь сама жизнь — это противоречия, конфликты, как только они кончатся, прекращается жизнь. И еще — я не люблю сценариев, плохо написанных. Если не вылеплена фраза, не вылеплен и образ! К сожалению, очень часто видишь фильмы, где герои произносят пустые многозначительные фра-

зы, по принципу «лишь бы не молчать». Небрежность языка, небрежность мысли — вот, на мой взгляд, одна из причин появления серых фильмов. И в кино, и в театре для меня

выработались определенные образцы высокого искусства, и то, что не подходит к этим меркам, я считаю для себя необходимым отвергать.

ТРИДЦАТЬ лет на театральной сцене, около сорока ролей в кинематографе — таково сегодняшнее творчество народного артиста СССР Анатолия Папанова. С годами, с опытом требовательность к себе становится все более высокой, а арсенал артистических красок все более ярким и разнообразным. Разве мог представить себя юноша, вернувшийся в 1942 году с фронта с искалеченной ногой, что через много лет — нет, даже не воспоминания, нечто большее — след, оставленный в душе Отечественной войной, оживет для него в образе симоновского комбрига Серпилина в киноэпопее «Живые и мертвые»? Разве мог предположить молодой артист, лишь недавно принятый в труппу Театра сатиры и с трепетом выходящий на сцену вместе с таким прославленным мастером комедии, как В. Хенкин, что некогда зрители будут «ходить на Папанова» так же, как в конце сороковых годов «ходили на Хенкина»? Нет маленьких ролей, есть маленькие актеры... Даже незамысловатую песенку Волка из седьмой серии «Ну, погоди!» — этого популярнейшего мультфильма, поучающего и потешающего и детей, и взрослых и у нас, и за рубежом, — актер исполняет с настоящим артистическим блеском и юмором.

Мы заговорили о том, что подлинный успех и слава к иным драматическим актерам нередко приходят в зрелые годы, и это не случайно. Современный актер уже не может полагаться лишь на интуицию и вдохновение. Современный герой и, главное, сегодняшний зритель предъявляют к художнику требования слишком высокие, чтобы рассчитывать только на внезапное озарение таланта. Передать гражданский пафос героя, его сложную

внутреннюю жизнь, актеру, который не обладает для этого достаточным жизненным опытом, зрелостью мировоззрения, мудростью прожитых лет и преодоленных конфликтов, трудно. Папанов вспомнил, как говорил, бывало, студентам ГИТИСа Михаил Михайлович Тарханов: «Вам надо пострадать, поголодать, уж больно вы, молодые, благополучные, вы этих ролей не поймете...» Так говорил он студентам набора 1942 года...

— Если нет человеческой личности, нет и актера, есть только копировщик, — задумчиво продолжает разговор Анатолий Дмитриевич. — Художник несет зрителю свою индивидуальность, свое мировоззрение. Самое главное и прекрасное в драматическом искусстве — жизнь человеческого духа. А точнее, жизнь человеческого духа, проникнутого идеями современности. Потому и актер должен быть человеком современным, сегодняшним. Я глубоко убежден в том, что в нашем коллективном искусстве актер — основной инструмент, и считаю заблуждением попытки некоторых режиссеров выразить себя не через актера, а некими иными путями. На мой взгляд, не имеет значения — «падает» ли декорация сверху или сбоку, кривой на сцене пол или нормальный, появляюсь я из зрительного зала или из-за кулис — главное, что и как выражаю на сцене я, актер. Много лет назад в конце войны в Горьком видел я «Бешеные деньги» Островского и до сих пор помню удивительную актрису, игравшую в этом спектакле, слышу ее голос. Актрису, образ, созданный ею, помню, и ничего больше. А нынче приходится слышать о том, что, мол, и гримироваться актеру не следует. Да ведь верно найденный грим — половина успеха! Как же можно лишить себя этой краски! Другое дело, что надо уметь гримироваться, определенно знать, что хочешь подчеркнуть в образе гримом...

В выпущенной недавно издательством «Искусство» книге об Анатолии Папанове автор М. Линецкая цитирует слова артиста: «Если я увижу внешность персонажа, я его пойму...» Актер, воспитанный мастерами МХАТа, он привык будить свою фантазию с помощью живых, метких, достоверных деталей. В этой связи Анатолий Дмитри-

евич вспомнил о работе над ролью Кисы Воробьянинова в спектакле «12 стульев» по И. Ильфу и Е. Петрову.

— У меня что-то долго ничего не клеилось, я чувствовал себя скованным, неловким, очень от этого волновался. Потом я подумал о руках: наверное, у Кисы Воробьянинова, старого дворянина, должны быть белые, длинные, изнеженные пальцы. Я стал гримировать руки, удлинять пальцы, и это помогло мне найти рисунок роли... Есть и классический пример: Николай Павлович Хмелев, актер, который был моим кумиром, долго не мог найти образ Каренина во мхатовском спектакле «Анна Каренина», а потом нашел... Какие уши у этого человека! И роль пошла...

В ЯНВАРЕ Союз кинематографистов СССР проводит пленум правления, посвященный творчеству артистов кино. Правда, Папанов считает себя в основном актером театральным, но не забывает о том, что экран принес ему широкую популярность и не менее широкие возможности отдавать накопленное в сценической работе мастерство. (Взять хотя бы две последние кинематографические роли Папанова, столь разные по характеру, темпераменту, социальным аспектам: чековский герой — изверившийся и добрейший, полный горечи и снисходительности старый гарнизонный врач в фильме И. Хейфица «Плохой хороший человек» и шофер «скорой помощи» в картине «Дела сердечные», радующий знакомыми черточками и интонациями сегодняшнего человека.)

— Палитра кинематографа необычайно широка, — говорит Анатолий Дмитриевич — у режиссеров кино великолепная возможность выбирать нас, актеров (тут мы все в роли «зайцев!»), и выбор поэтому чаще всего бывает точен. И, заметьте, последнее время экран редко открывает яркие актерские индивидуальности, предпочитая пользоваться уже открытыми. Вот вам еще одна причина появления серого фильма! Конечно, режиссер — это художник, он выстраивает картину и выбирает тот мазок, который может быть, завершит всю глубину его замысла. Мы, актеры, образно говоря, — мазки, краски, а кисть-то у него, у режиссера... Однако светить в картине

все-таки будем мы — краски, самые яркие краски режиссерской палитры.

Театр, на мой взгляд, к актеру добрее, чем кинематограф. Киноактер, целиком зависящий от режиссерского выбора, всегда будет ощущать неопределенность своей творческой перспективы. И об этом, наверное, пойдет речь на пленуме...

— И все-таки, Анатолий Дмитриевич, разве «неблагодарность» кинематографа не компенсируется широтой зрительской аудитории?

— Избыток популярности, знаете ли, тоже не столь уже великое счастье! Юрий Никулин, например, спокойно куска в рот не положит из-за своей популярности. А лицо, мелькнувшее на экране в незначительном, схематичном фильме, забывается быстро. На встрече со зрителем киноактеру больно бывает видеть, как иной артист пытается напомнить о себе, называя картины, не оставившие и следа в памяти людей...

Наш разговор вновь невольно возвращается к теме требовательности художника. Для Анатолия Папанова высокая требовательность к себе — это жизненное и творческое кредо.

— Мой совет молодым, начинающим в любой профессии, — выясните для себя, что самое главное в вашей жизни, и не засоряйте этого главного шелухой. И еще — всегда быть в форме! — Анатолий Дмитриевич прислушался к голосам, доносящимся из репродуктора. — Кажется, близится мой выход...

Он легко, по-молодому поднался и, глянув на себя в зеркало, поправил воротник свитера. Пожалуй, больше, чем на чудачка-управдома, он был сейчас похож на тренера сборной по футболу, которого ему предложил сыграть в своем будущем фильме режиссер Садовский.

Папанов улыбнулся: чувствовалось, что тренера ему тоже очень хочется сыграть, — недаром среди спортсменов у него много друзей, и «болеет» он до сих пор за свою клубную команду «Союз», в которой играл в юности... И вообще ясно было, что напряженная жизнь большого артиста, которую он избрал для себя тридцать с лишним лет назад, так же дорога ему, как в далекие военные годы дорога была парню, пришедшему с фронта, мечта стать актером...

Н. КОЛЕСНИКОВА.